

Это был полусон, полуявь, реки потекли не вспять, а друг в друга. Словно воздушный, наземный, сухопутный, речной канал открылся сам по себе. К тебе, река Лугань! И пусть воссоединятся, пусть бушуют воды, пусть бурлят, возрождают!

«САКРАЛЬНО, МОСКАЛЬНО»

(из сводок)

Объединиться. Вот что надо нам сейчас, как в прошлом, ленинском. Объединяйся! А я волонтёрю: вещи, еду, таз отношу на пункт сбора на Райниса. У нас тихо. Весенне. Вдали. В глубине. Но всё равно тревожно: как наши там? Всё равно мы всю страну на войне, всё равно всем нам придонбашенно! Это корни наши болят и болят: корни общие и нетленные. Позвонить бы туда, возопить бы сквозь чад, отвечают мне чьи-то сыны убиенные... Голоса, голоса: «Мама, я старший твой!» Голоса, голоса: «Мама, а я твой младший!» Не люблю поговорку: мы стали травой. Но действительно стали. Поэтому страшно. Я вчера во всю ночь долгой-широтой фильм смотрела по телику: «Сгинь ты, Бандера!» Эти нацики жадные, мерзкие, хтонь! Зря тогда отменили СССР мы. Зря, зря, зря. Синеглазый мой сын. Очень зря, говорю, сероглазая дочка. Здесь, на улице Райниса, морозь и стынь, ямы, лёд, слева острая кочка. Но когда восстановим мы все города, фонари и дороги, здесь, там от Сибири, от Урала до Ужгорода. Вот тогда я хочу, чтобы в травы, в цветы, во имбири лечь! Обнять! Обхватить! И пускай сквозь меня

эти травы, какими становятся люди, прорастают! Крича, как Россия моя, хоть стреляют в неё из орудий.

Указ Екатерины об основании литейного завода на реке Лугани: «Божиею милостию Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская и протчая, и протчая».

ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК СТАЛО НА САМОМ ДЕЛЕ

...Обними меня, мальчик мой, сокол, сизарь! Как из нас вынимали исконное, наше! Как из нас продавали его в стынь и хмарь за печеньки, за доллары, пару кругляшек, за борзых, за гнедых. По борделям – Марусь, пусть танцуют. И спайсы (ещё до запрета) молодёжи! Ты где, моя дивная Русь? Ты страна или всё-таки чувство? О, где ты? Я – на гору, всё выше. Горят города там, в груди моей! Пеплы святы. И топи. Нас продали давно. Как рабов навсегда. Нас изъяли. Мы ропщем – бессловно, безрото, безуспешно. И нас не услышит никто. Бог отчаялся нас создавать. Рынки, банки, магазины, дворцы, мюзиклы, шапито поглотят нас. Съедят. Разотрут в решето. Как создать непредавших? Жестянки, болванки, кто от прошлого трижды отрёкся, а кто по четвёртому кругу уже открестился!

Я твой крест не предаю! Этот свиток и список.
По утрам у меня в серебре все ладони,
пахнут ладаном пальцы, левкоем, сандалом.
Не читаю – а стоны вдыхаю! Моё ли?
Мирославово? Илларионово? Тонем
всей землёй. «О погибели» слово – финалом
прозвучало! Нас предали. Сдали. Украли.
Нас давно прикупили поштучно и оптом.
За леса. За алмазы. За нефть. Наши дали.
Наши шири. Равнины. Союз наш затоптан,
алой кровью пропитанный, скормлен Европам.
Сокровенное вынуто. Но я пытаюсь,
да и многие тоже в разъятых пустотах,
находить острый край. И показывать палец,
мол, идите болотом!
Ни пяди, ни йоты
не сдадим. Но мы сдали, отъяли, отдали.
Вот уже добрались к нам до кухонь и спален.
А я крест всё несу и несу на Голгофу.
Моё сердце изломано. Кружатся ветры.
Из Китая нам амфетамины и морфий,
ибо ночи у нас безответны.
Напоследок обнимемся всё же! И кофе
по глотку отопьём из одной с тобой чашки
(эх, за Русь, за святое, за лучшее наше!)
и одну с тобой выкурим мы
сигарету!

2022 ГОД ПОСЛЕ ЗАЧАТИЯ

Они не верили даже тогда нам,
раскрывшим объятья.
Они не верили даже тогда, когда мы их просили.
Гласом в пустыне – о сёстры родные, о братья,
как докричаться до вас? Мы в бессилии...
Они не верили даже тогда нам сквозь лица
и лики,
верили только тому, что вещал телеящик.
Мы – вопиющий, взывающий – мы,
мы – молящий,
мы – Иоанн, возвещающий стон стоязыкий.
Были такие, кто верили даже тогда, в час безверья.
Были такие, фамилии их в цвет гранита,
зверски замучены,
зверски затравлены,
зверски убиты
да по окраинам, да по осколкам империи.
Ибо не верили те, как невинной невесте
в то, что цела. Они верили в НАТО и Запад.
Вот он, груз двести, хмелеющий от прели ягод,
голову кружит ему от весны, ибо он есть
груз двести.

Хватит не верить!

Тем, кто вас снимает с распятий,
Ибо помилован на самом деле Варавва-отступник,
ибо «распни его!». А мы раскрыли объятья,
ибо орать вопиющим в пустыне устали,
что любим.
Любим до боли, до войн, до страданий, до смерти,
нежно, сурово. Коль скоро Девятое мая.
К вам мы идём через минное поле – к вам, верьте,
к вам с бородинским мы хлебом,
что стал караваем!

КРЕПОСТЬ-ДОНБАСС

*Выйти из полусна в явь бывает трудно. Но
тогда явь сама врывается в тебя, как луч света,
как звонок будильника. Но это был звон колокола.
Это было, как нижегородское вече. Вста-
вай, проснись, узри, услышь, встань на защиту!*

2014 год. Майдан в Киеве. Затем жгучая, рас-
стрелянная огнём Одесса. Затем самый трагиче-
ский момент – потеря друзей. Да, нам стало ар-
магеддонно, нас стали называть колорадо и вата,
москали на ножи. То есть нам стало колорадно-
ватно, маскалёво-ножово, нам стало убийственно.
Друзья... мои знакомые... мои солнечные
люди.

Их несли ногами вперёд, ногами к России,
ногами к майским солнечным весенним дням.
Это было невыносимо видеть, как груз двести,
хмелеющий от запаха ягод, опускался в землю.

ПЕРВАЯ ВЕСТЬ СКОРБНАЯ – это мой това-
рищ, поэт Игорь Грач...

* * *

Опять весна и воздух абрикосный,
мне дым костров, как запах папиросный,
весь день Саврасова мне видятся «Грачи».
И умирать не хочется. Ни капли.
От вирусов, от пуль, от стрел, от сабли.
Грачи нас прикрывают: крылья, спины,
Прикрыл нас Игорь Грач строкой глубинной...
Что чувствовал он в этот день, где снайпер
сидел, прицеливаясь? Вешайтесь, рыдайте,
но лишь не надо обобщённых мыслей, слов
родне и маме, тёте, сыну, всем нам!
А чувство родины – хребетно, внутривенно.
А чувство родины – основа из основ.
А умирать не хочется. Ну, право!
Вот одуванчики – птенячий цветы –
комочками желтеют. И холсты

Саврасова повсюду: вдоль канавы,
в дубраве и в орешнике, в саду
пошарпанные ветки, как шрапнелью.
Грачи и вправду, вправду прилетели!
Они не знали, страшно на виду
спешить в одной колонне на прицеле.
Ты нас прикрыл.
А чем тебя прикрыть нам?
Каким ребром, предсердием, молитвой?
Каким увидеть зреньем? Слепотой?
Под дымчатой да под густой листвой
не отсидеться нам в домах высоких.
Не оградиться ни щитом, ни блоком.
Вот, говорят, географ глобус пропил,
но ты не верь! Верь только слову – Грач!
Что прилетит пернатый, окрылённый
строкою, песней да слезой солёной,
и будет бесталанным всем жескач.
А кто убил, стрелял, тот гадкий сволочь!
Настанет время – утро, полдень, полночь,
но суд свершится, человеческий суд.
Наступит время твёрдое, как камень,
и каждый Ирод, каждый Брут и Каин,
да что там Каин, небеса падут!
Убитые поднимутся. Я знаю.
Поруганные встанут, вой, кричи:
– Огонь! Ах, суки! Родина... родная...
Летят грачи. Летят твои грачи!

Ничего нет страшнее – видеть слёзы матери...

ВАДИК

И весна была в городе. Третье апреля.
Если в небе бы строили мы баррикады.
Если бы заслонить получилось мне телом
беззащитного мальчика с именем Вадик.
Он играл бы в песочнице, пересыпая.
Он бы делал куличики (не самолёты
и не танки, не мины!)
Какая ты злая,
что людей убиваешь! За что ты? За что ты?
Ты великой была, ты была исполином,
а теперь что с тобой, что с тобой, Украина?
Избиенье младенцев. Младенцы рыдают.
Стон стоит по земле всей: стон стомиллионный.
Кто тебе приказал делать дроны, патроны,
кто тебе приказал – этот взяточник Байден?
Вадик булкой кормил бы, пшеном и гречихой
птиц-синиц, а они прилетали б, клевали.
Было славно на улице. Господи! Тихо.
И цвели одуванчики в почве бы рыхлой,
как бывает в Енакиево на вокзале.

Мы бы – русские женщины, мы бы рожали.
Мы бы – русские женщины – грудью кормили.
Это было бы так, вам скажу, в идеале.
Но пришёл Ирод к нам.
Его сами впустили.
Его сами проспали. И что же в итоге?
Не весна и не птицы. Война на пороге.
Ни за что ни про что пятилетнее сердце,
неприкрытое сердце мальчишье погибло.
(Кто из дрона стрелял, верим, не отвертеться,
не на тех ты напал, не того мы пошиба!)
О, дожить бы, дожить бы нам всем до процесса,
до Нью-Йорнбергского.
Словно личное горе,
словно он мой ребёнок... держу – и нет веса,
ибо – в небо вспорхнул.
В его синее море...

*И ещё – ОЛЕСЬ БУЗИНА, наш товарищ, пи-
сатель. Наш стойкий друг.*

* * *

Убитый в Киеве: ему стреляли в спину,
четыре выстрела – смертельные – в упор.
«Я не люблю такую Украину»,
истерзанно глядящую с офшор.
Я не люблю – и боль застряла в горле,
я не люблю – боль заливают кровью...

Один он вышел, сам на всю страну.
Вы помните Олесь Бузину?
Глядел, как будто лил металл во взгляде,
разлёт бровей, держался гордо, прямо.
Он спрятался бы! Но такой громаде,
такой скале, как небо в Арарате,
как спрятаться?
А мама, как же мама?
Есть Украина та, что обожаю!
А знаете, что есть она другая,
цветущая, каштановая в мае,
где нас крестил Владимир-князь в Днепре!
В рубахах люд крестильных да исконных...

Но как случилось, что не бережённых
вас предали в большой чужой игре?
Серпы остры, сердца на шампуре.
Между людьми теперь чего? Раскол?
И выбрали хотя бы не из зол,
хотя бы Крым, Донбасс. Там, во дворе,
нас Бузина Олесь накрыл всем телом,
он крепостью поднялся белой-белой,

убитый, но не умерший: не вмер,
не сгиб, не пал, не лёг, не сдал он Днепр,
не сдал Украину, Русь и Беларусь!

Меня трясёт... давлюсь слезами... слышу хруст
костей, хребта, звук пуль. Пули в спину.
А мать его спешит: пустите к сыну!
Весь воздух словно выкачан. Дышать
ей больно! Пропустите мать!
А где же пульс? А где же стук в груди?
А у меня с тех пор – дожди, дожди...

Верните снова, люди, Украину
на место. Как я выдерну, как выну
её – мертвящий ужас – из нутра?
Окаменевший выкрик мне в затылок...
расстрелянную фразой пригвоздило...
Олесь... Олесь! Он вышел со двора,
пошёл искать свою он Украину –
любимую, где не стреляют в спину,
где помнят родин всех первопричину,
где водружают красный флаг Берлину
и крестят люд у берегов Днепра.

*Поэт – что он може, кроме как сказать сло-
во своё? Выплакать это слово, выплеснуть его
из сердца, выложить на сайте. Нам хотелось
пробраться к своим, сказать: «Здравствуйте,
мы с вами», вот стихи «Снайпер» о том, что
было с нами, пытающимися сходить в храм,
пройти по лугу...*

В меня целится – я вижу его! Он притаился! –
снайпер!
В его окуляре я: в куртке, джинсах, кроссовках!
В небе – белая птица, наверное, чайка.
Это небо последнее! Но мне как-то неловко
обращаться к нему! Небо – на подстраховках!
Оно было, когда я в него родилась.

Здравствуй, мама!
Ты меня ещё держишь своей пуповиной?
Она бело-прозрачная, что амальгама.
Фонтанирует. Вся из тугих парусинов.
И поэтому море вокруг меня плещет.
Это – околуплодные спелые воды.
Мы – рождённые, всё состоим из тех женщин –
журавлино, невинно. О, грех первородный!
Тех, кто были до мамы. Они в наших генах.
И они внутримышечны и внутривенны.

Снайпер! Значит, и в них ты прицелился тоже?
И в ребёнка, который в утробе под кожей,

моего притаился напевного чрева.
Оно рдело! Любило! Желало! И пело
в ночь с любимым! Его помню сильное тело.
Значит, целишься ты и в него? В Русь?

И правду?
Поздно, поздно вопить мне: «Не надо!
Не надо!»
Пуль разрывы вокруг. Стон. Пожары. Снаряды.

Мне – прожившей полжизни,
мне – видевшей небо,
мне – целующей звёзды, их льдистые скрепы,
неужель затаиться? И Армагеддоны,
так вопят... Фонтанируют.

В Зайцево – храм мой.
Я иду помолиться, прикрыв грудь и лоно.
Моя старая мама, и тётка, и братья
там живут, за чертой. Как прикрыть
их синхронно?

Вы там не были!
В каждом кусте и травинке
не цедили вы детство, на этой тропинке
не пасли вы козу, белошёрстную Майю!

Хорошо рассуждать про загадочных майя,
про кино, про правителей. Деньги и власти.
Да хоть сердце не застыте! Не рвите на части
про весну ту, что в Крыме. Про Минск.

Там Иуда
щёки, спины целует! Война, как простуда
для того, кто поодаль. В глуби. За лесами.
Я иду. Продируюсь. Мне к тётке и маме.
Пробираюсь сквозь время.

(О, как мне Коньбледно!)
Продируюсь сквозь лемех, орало. Бой длится!
Нескончаемый!
Разве вам тел наших мало,
что зарыты вот в эти поля цветом ситца?
Лязг затвора. Мой снайпер – мой враг.

Помолиться
успеваю, пока не нажал на курок он.
...А малыш, что во мне, мог бы радостно
чмокать,
в колыбельке лежать мог бы он краснощёко,
потаённо, глубинно, тепло, светлооко!

*К тебе, Лугань-река, прорыт канал сухопут-
ный, небесный, облачный, воздушный.*

*К тебе, Лугань-река, стремятся воды реки-
Москвы!*

*К тебе, чтобы лечь на твой жертвенный ка-
мень ради мира. Всего мира. Всего космоса...*

ЖЕРТВЕННИК (из цикла «Взойти»)

1.

Да, ты есмь – священная корова,
Да, ты есмь – священная теляти...
Авраам, клади меня на камни,
вместо сына я идти готова.
Причащённая, развоплощённая,
в рваном рубище, платком обвёрнута,
я иду сквозь жизнь – дорога торная,
но для меня она дороже золота.
Да, как с востока вширь стоит моя земля,
да как с прибалтик всех в одежке рваненькой,
не надо сына, бать! Не надо сына!
Я –
пусть будет тот, кого ты выбрал раною.
Пусть будет тот, кого ты выбрал в башню лечь,
пусть будет тот, кого назвал Алёною.

...Никак не отойду я от желаний – честь
свою сберечь, слезу свою солёную.
Смотреть на образа своих больших светил,
смотреть, смотреть в глаза всем тем,
кто полюбил,
всем тем, кто невзлюбил, всем тем,
кто нож поднял,
но не с подушек в пух,
не с тёплых одеял.
Веди туда, где верх, туда, где высь-гора,
где всё на кон кладут: жизнь, деньги, реки, дом...

– О, здравствуй, Исаак, твой посох стёрт вчера.
– О, здравствуй, Авраам. Сверкнул на небе гром.
Кисейный брег реки. Молочны берега.
Беги. Беги, беги!
Не стал ты убежать.
У Бога никого сегодня словно нет,
лишь только ты и сын, лишь только тьма и свет!
И голос, как чужой...

Сын маленький такой,
роднее нет его,
где есмь ответ?

Ложусь я всклень в него, точнее, вместо всех,
кто за моей спиной – Россия, вечность-мать!
Пускай трава растёт, солдат, боец, морпех,
помилованы все!
С колен пора вставать...

2.

В тяжёлый час есть небо, мама и
ещё вселенная! Куда мне обратиться!
Коль можешь, брат, возьми и не убий,
коль можешь, Ярославна, взвой зегзицей,
береговую ласточкой из льна,
кукушкиным болотным причитаньем!
Как полечу над Доном, над Дунаем,
вот подорожник, вот боржоми – на!
Одно могу – лишь вытащить из сна
размером с вечность, словно песню Цоя,
что в переходах пели. Смерть в лицо нам
глядит, что солнце прямо из окна.
Вселенная,
вселенная моя,
планета! Будем до воды по водам!
Упрямых их, не верящих, упёртых,
их – чокнутых, майданутых, безродных –
они зародыши ещё! Стреляют... глянь...
в тебя, в меня, в детей и мирных бабок.
Чего хотят? Французских жабьих лапок?
Иль сыра проволононе?
Дай им сыр!
А нас верни в славянский общий мир!
Верни всех-всех.
Прости, что я убита
тобою, брат!
Лежу башкой у края.
О, как же пахнет всклень земля сырая,
что кружит голову от зёрен, хлеба, жита!

Это маленькая кроха – статья твоим священным теляти, Лугань-река!

«ДОНБАСС, СМОТРЯЩИЙ НА СОЛНЦЕ»

Донбасс – это не только территория, это ощущение планетарности вселенского масштаба, это иное свечение, иная подача тепла, это матрица и основа. Люди Донбасса могут проживать в разных концах света, они могут жить в Харькове – по другую сторону фронта, в Киеве, Питере, Кемерово. Донбасс – это иное восприятие исхода славянства, оно шире, глубже, патриотичнее, священнее. Можно сочувствовать, переживать, но не ощущать себя частью этого масштабного исхода. Нет, это не возвышенность, а, может, наоборот Марианская впадина, либо некий солярис борьбы за славянское братство. Донбасс – это вера, это любовь, доброта, осмысление себя и своего народа в лучших стремлениях своих, это победа над злом, это икона Богородицы только что родившейся, но видящей свои изображения в иконописи и свой путь служения христианству. Донбасс – это распятие Христа

в самый трагический момент, когда мир опустился до безверия, когда он плевал в свои святыни, когда жёлтая слюна растекалась по телу ещё живого Бога, а из его ран сочилась кровь. Донбасс – это объединяющая сила любви и жизни. Донбасс – это люди, чьи тела оказались в могилах, люди убиенные, но они встают и идут рядом с живыми, чтобы сражаться. Донбасс – это сила и огромная мощь правды и справедливости. Да, иногда эта сила попирается, в неё, как в Христа, брызжут жёлтой смолистой слюной.

Всё остальное – не Донбасс.

Не Донбасс – это не заграница, а большое предательство того самого славянского братства, матрицы и исхода изначального.

Не дождалась победы лучшая из лучших. Поэтому склоним голову, вспоминая их, выпивая за них горькую чарку. Но с любовью и красотой в сердце. С верой в то, что они нас слышат, верят, видят.

САУР-МОГИЛА

...Если б успела тогда, не сегодня,
Если б успела тогда, где был бой.
Весь испещрён камень, твёрдый и плотный,
сколько в нём пуль и осколков в нём, сотни?
Как же так можно? Здесь мир был живой...
Боль, только боль. Вот что нынче осталось.
Бой был здесь, бой. До победного ярость.
Сколько терпела страна моя? Жало
даже проникло сюда... Как кричала
женщина в чёрном у пьедестала,
где имена сорок пятого года
и где четырнадцатого.
С восходом
можно увидеть Азовское море.
Словно сначала,
взобравшись на взгорье.
Связано время чугунно, как стела.
Здесь запеклись пули в рваное тело.
Саур-могила, как крепость, снарядов
враг не жалел для такого массива.
Степь желтолика. И некуда падать,
ибо за нами
Россия!
Впрочем, нет «до», как и, впрочем, нет «после»,
есть лишь единое общее горе.
Рваное время от денег соросьих.
Не искушайся, о брат мой, ты брось их...
Заново русский бы корень наш сросся,
Бога прошу, раз не помню, который.
Небо прошу.
Землю. Космос и звёзды,
бренное это прошу лукоморье.
И подхожу ближе к женщине в чёрном,
так она плачет щеночком-подростком,
гномиком, хлебушком свежеспечённым.
Словно бы сёстры, обнявшись, стояли
долго мы. Долго! Закат пал Икаром
в пенное море в туманном причале.
Пели поляны. И ветер был, ветер.

Ветер всегда здесь, и трав многоцветье.

Здесь обнимают века нас всех, люди!

Веще и свято. Светло. Непокорно.

Вот по тропе мы спустились. Лишь корни,

чуяла я, вились в сердце подгрудно,

И никаким их не выбить орудьем,

и никакую не выдолбить миной!

Мои правдорубы, мои защитники, мои поэты из поэтов, как мне не помнить о вас в эту минуту? Ибо восемь лет я была с вами, нет, не рядом, не возле, а по одну сторону фронта. Да, мы были на фронте – фронте любви, справедливости, жажды восстановления и срастания в единое целое. Мы ощущали эти болящие разрывы, но не рвались. Мы ощущали огромные зияющие между нами бездны, но эти бездны, как в сказке, срастались вновь. Мы были частью этого самого полотна – сопротивления всему, что нас отталкивало, отпихивало, выскабливало. Но мы были живы лишь одним желанием – вырасти вновь. Мы вынашивали Донбасс, как дитя в чреве, чтобы родить его в непорочном зачатии и в грешной, страстной любви! Мы прятали свой личный Донбасс в своём теле. Он горячим, мёрзлым комком бился в нас. Мы носили сердце Донбасса в себе.

Донбасс – это крепость. Но не каменная, обнесённая Кремлём, крепкими красно-пурпурными кирпичами. Это открытое пространство, слишком открытое! Но одновременно Донбасс – крепость, незримая взору, нутряная, она мякиши и твердь одновременно...

Иногда мы думаем, что Крещение Руси – это состоявшийся факт. О, нет, это продолжающееся событие, без остановок, без начал, оно идёт и идёт. Крещение – это то, что всегда, каждую минуту, каждый миг, каждую вечность...

Крещение Руси мне родней и охватней.
 Оно продолжается в наши столетья.
 И в прорубь!
 А льдины сцепили объятья.
 Дыхание рвётся. Все – чада мы, дети мы.
 А солнце огромное. В первый раз вижу я
 такого размера, объёма, охватности.
 Вот – им вполювину вселенная выжжена,
 оно растекается – красное, рыжее –
 в любви к нам всем, людям, всей кровью, всей
 ласкою.
 И ласточки! Сколько их? Милые ласточки.
 Устали, наверно, лететь, путь не близкий был?
 Здесь, в Киеве, на берегу Днепра – камушком! –
 народ русский принял Крещение Пречистое!
 Головушка мытая.
 Тело облитое.
 Рубаха посконна. Запястье с монистами.
 И даже не верится в боль, кровь и выстрелы,
 в майданы и свастику, в горе и битвы мне.
 Да разве для этого думалось-мыслилось?
 Да разве для этого грезилось числами?
 О мать городов русских, что же содеялось?
 О, ты же под сердцем носила нас бережно,
 ты в муках рожала из чрева кипреева,
 ты, в звёздное небо опёршись коленями,
 ты, рот искривив в женских криках, у бережка.
 О мать городов русских, веришь ли, веришь мне?
 Ты верить должна в нашем веке теперешнем:
 мы – дети твои нарождённые!
 Схватками
 как чрево слепящее, гордое полнилось,
 и райское древо исполнено молнией,
 ты помнишь зачатие: день и ночь сладкие?
 Ты помнишь детинцев своих – имя, отчество?
 Чернигов да Суздаль, Владимир да Новгород?
 И тело кричащее? Тела пророчество?
 А помнишь ли плотью, где плоть, там связь
 долгая!
 И связь пуповинная, внутриутробная.
 А нынче, теперь ты нам, что место лобное...
 Где место крещения – место расстрельное.
 Где место дитячье – лишь место постельное.
 О, не предавай нас – подросших, нас – школь-
 ников,
 а русский язык – украинский поболее!
 А русский язык украинцам роднее,
 роднее, чем русским – нам! Он – планетарный!
 И он им – врождённый, вменённый, как дар он!
 Он им – генетический. В них, как в пекарне
 хлеб, что из муки слаще, пряней, белее.
 Он как Жития им, как Четьи-Минеи.

Мы поехали в Трускавец отдыхать. Мне было
 14 лет. Сестрёнке 4 года. Помню прекрасную пе-
 вучую украинскую речь, и русскую тоже – певу-
 чую и солнечную. И много прекрасного помню.
 Музеи. Большие концертные залы. Широкие
 улицы, площадь Львова. Всё для людей. А не
 помимо людей.

Некий ореол, воспаряющий над градом. И
 светящиеся купола наднебно. Объединяющего
 всегда больше, чем разъединяющего.

ВОСПОМИНАНИЕ

Значок – кусок металла и эмали
 и подпись красным «С Украиной вместе мы».
 Не тронь шкатулку! В кровь и боль уколешь
 палец,
 значком в шкатулке с видом хохломы.
 А нынче – пули. Бой там рукопашный.
 И за людей мне страшно. Ой, как страшно.
 Я с Украиной той, где вместе мы,
 с другой, фашиствующей, бьющей с нею, – по-
 рознь.
 Всё так же страшно: ось земли смололась,
 разбилась на частицы, сколы, в область
 совсем иную. Я значок храню:
 и чувствую, как бьётся в нём живое,
 исконное, речное, луговое.
 Вот детство: в Киев навестить родню,
 и далее семьёй мы едем с папой.
 И кружит голову от речи Закарпатья.
 А нынче я друзей лишь хороню.
 Ужель беда такая – пули в спину,
 ужель любовь – рвать, резать, жечь, колоть?
 Старух и стариков, детей невинных
 за эти вот печеньки из корзины
 живую плоть?
 Значок – кусок металла и эмали.
 А мы на великах с моей подругой Галей,
 точнее с Галлой по-украински – болотами –
 до магазина «Хлеб», до клуба «Родина»,
 я этот мягкий «х», точнее «г»,
 не позабуду никогда, нигде.
 И в парке, помню, шли с цветами в гору,
 ещё отец предупреждал до этой эры,
 что здесь остались, опускал глаза он долу,
 остались люди, чтут которые Бандеру.
 И Чичибабин – он поэт высокой мерки,
 в стихах об этом говорил, но кто бы слушал?
 У нас вдоль речки – спящей водомеркой,
 а глубже разве видят? Глубже в душу?
 Стреляют здесь.

Стреляют и стреляют.
И умирают у домов, садов, сараев,
лежат, раскинув руки, телом вжавшись.
За что же, братцы?
Россия год, считай, уже не первый,
Россия, у тебя не сдали нервы?
Вот выйду в поле, выкрикну: ну, где вы?
Поехавшие в перекосе крыши.
Целую руки Украины,
той, что слышит
былинные великие напевы.

Донбасс – это история всяя Руси, ибо становление Руси – это не только строительство городов, сёл, крепостей, это не только батюшка-Киев, Рязань, Чернигов, Москва. Это жаркий купол Исаакия, это Васильевский остров, это медленная Лета-Волга, это флаг Утопии и флаг любви, страдания, неурядиц. Это великое прощение и примирение, это одновременно не прощающее, гордое и безумно любящее.

Это продолжение самой нескончаемой, неисчерпаемой вечности...

Это горькое – мы же вас предупреждали!

Это сладкое – хорошо, что вы нас услышали!

Это буйное, весёлое, жизнерадостное...

Это неоплаканные могилы и исплаканные лица женщин.

Это несдающийся ветеран войны, выходящий на площадь, несущий на своём кителе ордена и медали. Их пытаются сорвать украинцы, но не могут, ибо ордена и медали приросли к телу, впаялись в рёбра, кости.

* * *

Мы знали, что сопротивляться будут гневно смершем,
ибо обмануты братья наши Иудно.
Я имею право быть хлебом – ешьте,
я имею право быть смертной чудно.

От любви разрывается сердце – там наши.
Но напичканы злой пропагандой двоякой,
вытанцовывали они «бешено не убоюще»,
вытанцовывали площадью «москалей на гиляку».

А я есмь тот москаль: москалица, синица,
девица,
москалица-дитя, москалица-седая старуха,
Хочешь, выговорю за тебя и за всех «поляница»,
только ты не убий, у кого с этим глухо.

Ибо хлеб – макнаташ, кубане, наан, пита,
бублик!

Погляди, мы все – зёрна земли, ибо все – золотые.

Да, имею я право сказать: не забудем,
ибо мы не забудем людей, города, мостовые.

Как мы падали смертно-бессмертно на гордые травы,
сыновей отдавали, идите, сыночки, служите.
О, обнять бы так крепко за шею, затылок побритый.
О, я право имею, безмерное русское право.

Провожая, от страха трясясь – от любви и страха
на вокзале прижаться, оглохнув почти что до Баха.
Но не тешьтесь надеждой, друзья, что само рассосётся,
что развеется как-то до самого светлого солнца.

Ничего не развеется, ибо зияет голгофа
у порога уже.

И заточен в ладонь гвоздь железный.

Молоток вознесён. Да, вам плохо. Нам плохо,
всем плохо.

Но всё может быть хуже пред страшной разверстою бездной.

Да, мы знали, куда и зачем мы, к кому мы, всё знали.

Были фото со спутника, космоса, фото,
что птицы.

И своих защитить мы имеем всерусское право,
как имеем мы право пойти и самим защититься.

Мои друзья, подруги, донбассовцы! Мы всегда были вместе. Мы несли этот флаг Донбасса,
чье древко прикипело к нашим ладоням. Даже когда ладоней не стало, мы всё равно несли этот флаг.

Вспомним сегодня всех.

Поклонимся им до земли.

Ибо многие из друзей моих, сражаясь, пали...

Но сегодня они встали рядом! Видите их?
Слышите их голоса? Их музыку? Их пение?
Молитвы?

Крики ура!

И я тоже слышу! Троекратно!

Ура! Ура! Ура!